

Л. П. ГРУЗОВ (Йошкар-Ола)

К ПРОБЛЕМЕ ЗВОНКИХ СОГЛАСНЫХ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ *

В системе консонантизма финно-угорских языков звонкие шумные занимают особое место. Специфика их проявляется не столько в качественном своеобразии (хотя и это в отдельных случаях), сколько в их дистрибутивной характеристике в потоке речи и в фонологической наполняемости по отношению к соответствующим глухим параллелям. Вопрос о происхождении и развитии звонких шумных в финно-угорских языках в той или иной степени рассматривался в трудах известных финно-угроведов (Э. Н. Сетяля, Т. Э. Утила, В. Штейнитц, Дь. Лако, Э. Итконен, Г. Барци, Д. В. Бубрих, В. И. Лыткин и др.).

Сравнительный анализ данных различных родственных языков позволяет сделать вывод о вторичном характере звонких согласных, пути развития которых, по всей видимости, были общими. В генетическом плане они безусловно связаны с соответствующими глухими, что имеет типологический характер и наблюдается в ряде языковых групп, хотя в конкретных языках процессы их развития и обособления могли быть обусловлены специфическими мотивами. В традиционном финно-угроведении, например, развитие звонких связывалось с чередованием ступеней согласных (Setälä 1896; 1922). В настоящее время большинство финно-угроведов придерживается мнения, что чередование ступеней согласных не носило общего характера даже для прибалтийско-финского праязыка (Kettunen 1936; Хакулинен 1953 : 57—58; Steinitz 1952 : 19; E. Moor 1952 : 94—96; Аристэ, см. Хакулинен 1953 : 296—297; Pikamäe 1957 : 44). Изменение согласных внутри слова в тех языках, где это чередование отсутствует, легко объяснимо действием фонетических закономерностей, свойственных этим языкам.

Первоначально в финно-угорском праязыке следует признать такое состояние консонантизма, в системе которого была корреляция: сонант — несонант (шумный), причем к первым безусловно относился *w*, бывший по качеству сильно сонантизованным (точнее, вокализованным) и билабиальным (Steinitz 1952 : 24; Collinder 1960 : 64; Décsy 1965 : 156). Это его свойство сохранилось в марийском и обско-угорских языках, генетически, по всей вероятности, оно связано с неслоговым **й*. Существование подобного звука В. И. Лыткин считал доказанным для общепермского языка, в настоящее время неслоговой *ц* встречается в диалектах удмуртского языка (Тараканов 1964 : 75—82). Аналогичное явление обнаруживается и в славянских языках, где также совр. *ч* восхо-

* Текст доклада, прочитанного на VI Международном конгрессе финно-угроведов (Сыктывкар, 1985).

дит к неслоговому *ц (Шахматов 1915 : 289—294; Селищев 1951 : 195—197; Борковский, Кузнецов 1963 : 51—52); следы этого исторического процесса довольно четки как в системе согласных русского языка (его диалектов), так и в украинском и белорусском.

Звонкие шумные в финно-угорских языках в разных позициях (начало, середина слова, абсолютный исход) исторически ведут себя по-разному.

Начало слова. Следует считать доказанным, что в праязыке в начальном положении звонких шумных не было. Противоположные взгляды (И. Буденц, Ю. Вихман, Г. Барци) к настоящему времени устарели. Звонкие согласные в начале слова в венгерском и пермских языках появились позднее (Uotila 1933 : 2—14; Lakó 1962 : 225—246; 1964 : 11, 67—68; Kálmán 1965 : 44; Лыткин 1968 : 19—25). В пермских языках появление их В. И. Лыткин относит к прапермскому периоду, ибо в коми и удмуртском языках начальные звонкие встречаются в общем пласте лексики: коми *гөн*, удм. *гон* 'шерсть'; коми *дон*, удм. *дун* 'цена'; коми, удм. *бур* 'хороший'; коми *зэр*, удм. *зор* 'дождь' и т. д. Ко времени иранских заимствований в них звонкие в абсолютном начале уже были (коми *бурьсь* 'грива', ср. авест. *baraša* 'спина лошади', *zarnu* 'золото', ср. авест. *zaranya-* и т. д.).

Самобытны начальные звонкие и в венгерском языке, они развились еще в добулгарский период, так как в древнебулгарских заимствованиях звонкий сохраняется: венг. *bátor* 'храбрый, смелый' < **bagatur*, венг. *báj* 'очарование, обаяние' < **baγu*, венг. *békó* 'оковы, пути' < **bykaγ* (Lakó 1964 : 67—68; Kálmán 1965 : 44). Озвончение начальных глухих в венгерском и пермских языках произошло самостоятельно, потому совпадения в озвончении между словами этих языков нет (Lakó 1962 : 225—246; КЭСК 9).

Причинно-следственная связь развития начальных звонких в родственных языках трактуется исследователями по-разному. Однако в начальный период в родственных языках, по-видимому, процесс следовал общим моделям — на что обратил внимание Д. В. Бубрих (1953): начальный глухой согласный под влиянием гласного, сонанта (или вообще звонкого) предшествующего слова постепенно подвергается своего рода ассимилятивному озвончению. Такой процесс в конкретных языках обнаруживается довольно часто: коми *гыж* 'ноготь, коготь, копыто' из **кузь кыж* 'длинный ноготь', коми *жеб* 'слабый, хилый, хрупкий' из **зев ~ шеб*; морд. *эрьянь гель* 'эрьянский язык' из *эрьянь кель*; морд. *монь даркам* 'мое место' из *монь таркам*; мар. *парсын гушакем* 'шелковый кушак мой' из *парсын кушакем*, *лӱен голда* 'выстрелит' из *лӱен колда*. Типичным подобное явление следует считать для сложных слов: мар. *йолгорно* 'тропинка' из *йол* 'нога' + *корно* 'дорога', *издер* 'санки' из *изи* 'маленький' + *тер* 'сани', *урвоч* 'хвощ' из *ур* 'белка' + *поч* 'хвост'; удм. *сизьымдон* 'семьдесят' из *сизьым* 'семь' + **тон* 'десять', *ныльдон* 'сорок' из *ныль* 'четыре' + **тон* 'десять'.

В марийском языке, однако, звонкие, развившиеся на стыках слов, не получают обобщения — не употребляются в начальном положении относительно самостоятельно, как в мордовском. В венгерском и пермских языках подобное озвончение стало закономерностью в период древнепермского или древневенгерского состояния, когда звонкие получили статус фонематической самостоятельности.

Развитие звонких в начале слова в венгерском и пермских языках объясняется по-разному, хотя в итоге сводится к фонетическим явлениям (Steinitz 1952 : 16, 22, 34; Itkonen 1957 : 7; Lakó 1964 : 57). Признавая важность фонетических процессов, В. И. Лыткин отмечает видную роль в озвончении начальных согласных, как он пишет — закона

омонимического отталкивания. Здесь В. И. Лыткин очень близок к истине. Дело в том, что процесс сокращения длительности слов — выветривание конечных слогов, характерный для венгерского и пермских языков, — привел к появлению в этих языках множества в основном односложных (или двусложных) корневых слов. В такой необычной языковой ситуации, где и без того крайне ограничены словообразовательные средства в обычном понимании, спорадическое явление озвончения согласных в начале слова получило импульсивное функциональное развитие — оно было использовано в качестве своеобразного словообразовательного средства. В этих языках оказалось множество омонимичных слов, как, например, коми *бур* 'хороший' — *пур* 'плот', *дор* 'лезвие' — *тор* 'кусок', *гар* 'крученный' — *кар* 'город', *гуран* 'яма' — *куруан* 'грабли'.

Прамарийские глухие согласные в начале слова сохраняются довольно устойчиво. В период марийско-булгарского и чувашского языкового контакта в данной позиции звонких еще не было. Правда, чувашские заимствования в марийском, как и марийские в чувашском, в этом отношении не показательны, ибо чувашский язык также в начале слова не знает звонких. Хотя в соседнем татарском, как и в древнебулгарском языке, с которым по своему происхождению связан чувашский, в начале слова звонкие имеются и были.

В большинстве прибалтийско-финских и обско-угорских языков вплоть до настоящего времени звонких в начале слова нет. В других же родственных языках спорадически развивающиеся на собственной почве звонкие получили прочную фонологическую основу в результате интенсивного влияния прежде всего русского языка.

Середина слова. В финно-угорских языках звонкие в этом положении развились в двух позициях: между гласными и после сонантов. Этот процесс ослабления одинарных согласных в интервокальном положении и под ассимилятивным воздействием сонантов имеет широкое и типологическое распространение (Мартине 1960 : 187—188; Мейе 1954 : 77; Дмитриев 1955 : 274—278). В фонетическом отношении он объясняется, очевидно, тем, что при прочих равных условиях звонкий оказывается относительно слабее, чем глухой (Зиндер 1979 : 124). В марийском языке, например, экспериментальный анализ показал, что между гласными согласные *v*, *d*, *g* носят щелевой и слегка сонантизованный характер (*β*, *δ*, *γ*), а по своей длительности они почти вдвое короче глухих (Грузов 1960 : 96—97).

В прибалтийско-финских языках озвончение глухих внутри слова обусловлено большей частью действием чередования ступеней согласных (фин. *sata* 'сто' — *sadan* 'ста', *repo* 'лиса' — *revon* 'лисы', *kyky* 'способность' — *kyykyäs* 'способный'). Если исходить из того, что последнее не относится к явлениям изначальным, то развитие звонких в словах указанного типа следует отнести к более позднему периоду.

Развитие звонких в других родственных языках можно показать на конкретном и довольно богатом материале.

β, *v* < **p*: мар. *шувыш* 'кожаный мешок' — коми, удм. *сепыс* 'мешок, кошель, ранец'; мар. *рывыж* 'лиса', морд. *ривезь*, венг. *ravasz* 'хитрый' — фин. *repo*; мар. *леведаш* 'покрывать, укрывать' — удм. *липыны*, венг. *lep* 'укрывать, покрывать', *lepel* 'одеяло, покрывало'.

δ, *d* < **t*: мар. *шудыш* 'обруч' — морд. *соты-*, *соды-*, фин. *sitoa*; мар. *нудо* 'золотка' — фин. *nato*; мар. *кидым* 'руку', *кидыш* 'на руки' (*кит* 'рука'), морд. *кедь*, венг. *kéz* — фин. **käte-*, хант. *кет*; мар. *кодаш* 'оставлять, оставаться' (*кот* 'останься', *котна* 'остались'), морд. *кадомс* — фин. *kato-*.

γ, *g* < **k*: мар. *шагал* 'мало' — фин. *huokea*, саам. *soakke*, венг. *csekély* 'низкий, маленький, мало'; мар. *йогын* 'течение, проток', *йогаш* 'течь'

(йоктараиш 'лить, сыпать') — фин. *joki* 'река', саамН *jokká*; мар. *мугыл'о* 'нарост на дереве' — фин. *tukula*. Такой процесс не редок и в случаях с древними геминатами или сочетаниями согласных — они в основном сохранились в прибалтийско-финских и саамском языках, в других родственных языках подверглись упрощению и дальнейшее их ослабление привело к звонкости: мар. *кувыльчо* 'самка глухаря' — фин. *koppelo*, саам. *goap'pel*; мар. *йӱдым* 'ночью' (*йӱт* 'ночь', *йӱтлан* 'на ночь') — фин. *ehtoo* 'вечер', саам. *ikl'tě, jikl'tě* 'вчера'; мар. *чыгылтаиш* 'щекотать' — саам. *cokkoldet*, венг. *csikland*.

*ž, z, ź < *š, *s, *ś*: мар. *шӱжар, шужар, сузар* 'младшая сестра', морд. *сазор*, удм. *сузэр* — фин. *sisar*; мар. *йыжыж* 'сустав, сочленение; сила'; морд. *эзне*, коми *йӱзви, ёзви*, венг. *íz* — фин. *jäsen*; мар. *пыжаиш, пиз'аиш* 'гнездо', морд. *пизе*, коми *поз*, удм. *пуз* 'яйцо' — фин. *pesä*, саам. *bæsse*, венг. *fészek*; мар. *кож, коз* 'ель', морд. *куз*, коми *коз*, удм. *кыз* — фин. *kuusi* и др.

В ряде случаев мар. (отчасти и морд. и об.-уг.) *z* восходит к палатальной аффрикате: мар. *чызе, чизе* 'сосок, женская грудь' — саам.

čiz'ze 'грудь; хлеб', венг. *csecs* 'грудь', манс. *чӱчӱ* 'молоко'; мар. *изи* 'маленький' — коми *ичмонь* 'молодуха', удм. *ичӱм* 'маленький', *ичи* 'мало', саам. *uc'ce*; мар. *пызыраиш* 'давить', хант. *požarta-*, коми *пычӱдны*, венг. *facsar* — фин. *puserta-* и др. Ослабление и последующее озвончение аффрикат, по-видимому, начались уже в период предполагаемой марийско-мордовской, исторически не очень долгой общности (Моог 1952 : 39—40). Одинаковое свойство в этих языках имеют звонкие согласные также в интервокальном положении и после сонантов: ср. мар. *јдаш, вӱдаш* 'сеять' — морд. *видемс* (фин. *vätkää*), мар. *кодаш* 'оставлять, оставаться' — морд. *кадомс* (фин. *kato-*), мар. *рывыж* 'лиса' — морд. *ривезь* (фин. *repo*), мар. *кондаш* 'принести' — морд. *кандомс* (фин. *kantaa*), мар. *понго* 'гриб' — морд. *панго* (манс. *paŋk*), мар. *шордо* 'лось' — морд. *сярдо* (манс. *surti*), мар. *комдыш* 'крышка' — морд. *кунда* (фин. **kante-*) и т. д.

Таким образом, в финно-угорских языках внутри слова — в основной фонологической позиции — звонкие согласные получили развитие.

Конец слова. Несомненно, в праязыке исход слова (если только считать его консонантным) был представлен только глухими согласными. Звонкие в отдельных родственных языках (пермских, угорских и волжско-финских) в этой позиции развились самостоятельно и в разное время. Хронологически они появились позднее, чем в середине слова, ибо основным способом для развития звонких в исходе слова следует считать отпадение конечных звуков или слогов, получившее особое развитие в пермских и угорских языках. В результате этого звонкие *b, β, v, δ, d, γ, g, z, ź, ž* оказались в необычных для них условиях. В настоящее время в конечной позиции эти согласные чаще всего встречаются в языках пермской и угорской групп, но некоторые из них могут быть и в других языках: коми *тов* 'зима', *жов* 'калина', *пад* 'дорога', *гыжӱд* 'письмо', *коз* 'ель', *розь* 'дыра', *вуж* 'корень', *пыж* 'лодка'; удм. *виз* 'нерв', *визь* 'разум, сообразительность', *вог* 'упрямый', *вож* 'зеленый', *тод* 'память', *шуд* 'счастье'; коми, удм. *сид* 'телятник', *пызь* 'мука', *сизь* 'дятел'; венг. *eb* 'собака', *kegy* 'круг, арена', *ég* 'небо', *kéz* 'рука', *víz* 'вода', *ház* 'дом'; мар. *кож* 'ель', *вож* 'корень', *шожж* 'ячмень', *йуж* 'воздух', *кагаз* 'бумага', *ваз* 'прут, хворостина', *тенгыз* 'море'; морд. *ведь* 'вода', *илав* 'прут, хворостина', *кав* 'клеть', *каладозь* 'сломаный', *кедь* 'рука', *ривезь* 'лиса'.

Из конечных звонких особо выделяются щелевые *z, ź* и развившийся несколько позднее *ž*. Специфическое фонологическое свойство их сбли-

жает с сонантами. В марийском языке, например, они в отличие от иных звонких (β , δ , γ) могут быть перед другими согласными или вообще в закрытом слоге: *ужга* 'шуба', *ўзгар* 'инструмент', *пужлаш* 'испортиться', *кожлаш* 'в ельник', *пызле* 'рябина', *пызнаш* 'прильнуть'; как сонанты, они действуют ассимилирующие на последующие глухие согласные: ср. *канке* 'с телом' — *вожге* 'с корнем', *нужге* 'с щукой', *кагазге* 'с бумагой'; *тушио* 'его спина' — *ожжо* 'его грудь', *вожжо* 'его корень', *теныжге* 'его море'.

Таким образом, в системе согласных финно-угорского праязыка глухие шумные противопоставлялись сонантам. Звонкость и глухость первоначально не были признаками фонематической корреляции. Однако следует полагать, что развитие некоторых звонких согласных в определенных позициях (между двумя гласными или между сонантом и гласным) началось уже в пределах позднего финно-угорского праязыка на базе его локальных диалектов. При этом сначала они не имели фонематической самостоятельности, а употреблялись лишь как конкретные оттенки (аллофоны) соответствующих глухих фонем. (Впервые попытка фонологической трактовки звонких согласных в разных положениях в марийском и мордовском языках была сделана Н. С. Трубецким, квалифицировавшим эти звуки на фоне своей теории об архифонемах (Трубецкой 1960 : 180—181, 261; Trubetzkoy 1932 : 21 и след.). О нефонологическом характере чередования ступеней согласных в прибалтийско-финском праязыке писала М. Леппик (Leppik 1968 : 1—12)). Sporadическое озвончение анлаута в венгерском и пермских языках импульсивно было подхвачено в словообразовательных целях для компенсации других, лексико-морфологических средств, утраченных в результате упрощения и отпадения конечных (выступавших после корня) элементов. В дальнейшем на базе диалектных новообразований уже на почве прамарийского, прамордовского, прапермского языков развились звонкие параллели к соответствующим глухим (p — β , b , v ; t — δ , d ; k — γ , g ; s — z ; \acute{s} — \acute{z} ; \check{s} — \check{z}). Если первоначально дифференциальные признаки этих согласных были минимальными, то постепенно они получают широкую и твердую основу. Даже в волжско-финских языках, где положение звонких было относительно слабым, начиная с тюркского периода и в последующем с заметным усилением влияния русского языка, фонологическая база звонких согласных становится еще прочнее, они широко употребляются даже в абсолютном начале слова.

ЛИТЕРАТУРА

- Борковский В. М., Кузнецов П. С. 1963, Историческая грамматика русского языка, Москва.
- Бубрих Д. В. 1953, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск.
- Грузов Л. П. 1960, Современный марийский язык. Фонетика, Йошкар-Ола.
- Дмитриев Н. К. 1955, Звонкие и глухие согласные в середине слова. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. 1, Москва.
- Зиндер Л. Р. 1979, Общая фонетика, Москва.
- Лыткин В. И. 1957, Историческая грамматика коми языка, ч. I, Сыктывкар.
- 1968, К вопросу о звонких согласных начала слова в финно-угорских языках. — СФУ IV, 19—25.
- Мартине А. 1960, Принципы экономии в фонетических изменениях, Москва.
- Мейе А. 1954, Сравнительный метод в историческом языкознании, Москва.
- Селищев А. М. 1951, Старославянский язык, ч. I, Москва.
- Тараканов И. В. 1964, К вопросу истории и развития неслогового \check{y} в удмуртском языке. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград, 75—82.
- Трубецкой Н. С. 1960, Основы фонологии, Москва.
- Шахматов А. А. 1915, Очерк древнейшего периода истории русского языка. — Энциклопедия славянской филологии, вып. II, ч. I, Петербург.
- Хакулинен Л. 1953, Развитие и структура финского языка, ч. I, Москва.

- Bárczi, G. 1962, Zur Geschichte der finnisch-ugrischen Verschlusslaute in ungarischer Zeit. — *Commentationes fenno-ugricae in honorem Paavo Ravila*, Helsinki (MSFOu 125), 11—26.
- Collinder, B. 1960, *Comparative Grammar of the Uralic Languages*, Stockholm.
- Décsy, Gy. 1965, Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Wiesbaden.
- Itkonen, E. 1957, Suomalais-ugrilaisen kantakielen äänne- ja muotorakenteesta. — *Vir.*, 1—23.
- Kálmán, B. 1965, Zur Ausbildung des ungarischen Konsonantismus. — Referate der Vorträge und Mitteilungen. Zweiter Internationaler Finnougristenkongress, Helsinki 23.—28. 8. 1965, Helsinki, 44.
- Kettunen, L. 1936, Gab es Stufenwechsel im Urfinnischen. — *NyK L*, 170—183.
- Lakó, Gy. 1962, Über die Frage der anlautenden stimmhaften Verschlusslaute in der finnisch-ugrischen Grundsprache. — *ALHung.* XII, 225—246.
- 1964, *A magyar nyelv finnugor alapjai*, Budapest.
- Leppik, M. 1968, On the Non-Phonological Character of Consonant Gradation in Proto-Fennic. — *СФУ IV*, 1—12.
- Moór, E. 1952, Die Ausbildung des ungarischen Konsonantismus. — *ALHung.* II, 1—96, 355—463.
- Pikamäe, A. 1957, Tüveline astmevaheldus läänemeresoome keeltes ja lapi keeles, Tartu (TRÜT 50).
- Setälä, E. N. 1896, Über quantitäswechsel im finnisch-ugrischen. Vorläufige mitteilung. — *JSFOu XIV*₃, 1—54.
- 1912, Über art, umfang und alter des stufenwechsels im finnisch-ugrischen und samojedischen. — *FUF Anz.* XII, 1—128.
- Steinitz, W. 1952, Geschichte des finnisch-ugrischen Konsonantismus, Stockholm (*Acta Instituti Hungarici Universitatis Holmiensis. Series B. Linguistica: 1*).
- Trubetzkoy, N. 1932, Das mordwinische phonologische System verglichen mit dem russischen. — *Charisteria Gvilelmo Mathesio... oblata*, Pragae.
- Uotila, T. E. 1933, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen, Helsinki (MSFOu LXV).

L. P. GRUZOV (Joškar-Ola)

ZUM PROBLEM DER STIMMHAFTEN KONSONANTEN IN DEN FINNISCH-UGRISCHEN SPRACHEN

Der sekundäre Charakter der stimmhaften Konsonanten in den verwandten Sprachen ist nicht zu bezweifeln. In der Ursprache waren die stimmlosen Konsonanten phonologisch den Sonanten gegenübergestellt. Die lokale Entwicklung der stimmhaften Konsonanten begann in der Periode, die der Spaltung der Konsonanten voranging. Diese vollzog sich zuerst in der Wortmitte (d. h. zwischen den Vokalen und nach den Sonanten). Dann wurde das sporadische Stimmhaftwerden des Anlauts in der ungarischen und in den permischen Sprachen unwillkürlich für die Wortbildung benutzt — als Ausgleich für die im Ergebnis der Vereinfachung der Auslautelemente verlorengegangenen morphologischen Mittel. Diese Vereinfachung brachte auch stimmhafte Konsonanten im absoluten Wortauslaut hervor.